

УДК 371.8
ББК 68.49(2Рос)9

DOI: 10.31862/2218-8711-2021-6-171-185

МОБИЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ: ПОДРОСТКИ КИЕВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

MOBILIZING CHILDREN: KIEV YOUTH DURING WORLD WAR I

Нойман Матиас

Преподаватель Школы истории Университета
Восточной Англии, г. Норвич, Великобритания,
доктор наук

E-mail: m.neumann@uea.ac.uk

Neumann Matthias

Senior Lecturer, School of History, University
of East Anglia, Norwich, United Kingdom, PhD

E-mail: m.neumann@uea.ac.uk

Аннотация. В статье обсуждается сложное взаимодействие между национальной мобилизацией во время Первой мировой войны и детьми. В фокусе внимания дети и подростки, проживающие в Киеве как пограничном регионе Российской империи, который одним из первых был затронут войной. Цель исследования – изучение способов интеграции детей и подростков в военную культуру в пространстве города в период общей мобилизации и сам характер их непосредственного участия в этой войне. Материалы педагогических исследований позволили воссоздать опыт, пережитый детьми, и их эмоциональный отклик на военную культуру в первые два года войны.

Abstract. The article discusses the complex interaction between national mobilization during World War I and children. The focus is on children and teenagers living in Kyiv, a border region of the Russian Empire, who were amongst the first children to be affected by the war. The purpose of the study is to examine the ways in which children and adolescents were integrated into the military culture in the city during the general mobilization period and the very nature of their direct participation in this war. The materials of contemporary pedagogical research will be used to reconstruct children's experiences during that time as well as their emotional response to military culture in the first two years of the war.

Ключевые слова: первая мировая война, военная культура, дети и подростки, военная мобилизация, патриотизм, детский опыт войны.

Keywords: World War I, military culture, children and adolescents, military mobilization, patriotism, children's experience of war.

1 Данная статья является первой из двух по данной проблеме.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Нойман М., 2021

Для цитирования: Нойман М. Мобилизация детей: подростки Киева в годы Первой мировой войны // Проблемы современного образования. 2021. № 6. С. 171–185. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-6-171-185.

Cite as: Neumann M. Mobilizing children: Kiev youth during World War I. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2021, No. 6, pp. 171–185. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-6-171-185.

Первая мировая война стала первой настоящей «всеобщей войной» в истории Европы. «Всеобщей», потому что и дети, и подростки оказались частью общей военной мобилизации [1, с. 629]. Естественно, родители пытались защитить своих детей от неизбежных последствий войны. Однако появление так называемой «военной культуры» во всех странах, участвовавших в военных действиях, привело к тому, что «мобилизация» детей происходила и через официальные институты – школу, церковь, а также через их досуг, и даже во время чтения книг [1, с. 7; 2, с. 346; 3, с. 139; 4; 5, с. 51; 6; 7, с. 163–166].

Пережитый опыт войны зависел от множества факторов: от места проживания, класса, пола, возраста. В каждой из стран, участвовавшей в войне, сосуществовало несколько «военных культур». Как утверждали Ж. Уинтер и А. Прост, «национальная военная культура очевидна, но ее недостаточно для того, чтобы понять, как различные группы людей выдерживали давление войны, осознавали ее причину и свой вклад в решение конфликта» [7, с. 165]. В Германии, например, популистский милитаризм и национализм 1914 г. легли в основу военной педагогики: политика войны, которой особенно подверглись дети и подростки из семей среднего класса, проникла и в учебные программы, и в научно-популярную литературу [8, с. 223–224]. К. Ролле в своем сравнительном исследовании, посвященном влиянию войны на семейную и домашнюю жизнь, подчеркивала, что в столицах Британии, Германии и Франции война сопровождалась созданием «целой военной культуры», ориентированной прежде всего на детей, для привлечения их к участию в общенациональном деле. В связи с этим материалы учебных программ, содержание книг, учебные пособия и спортивные мероприятия подвергались изменениям с целью подъема патриотического духа детей [2, с. 346].

В городах России ситуация была схожей. Сразу после начала войны в июле 1914 г. постановление Министерства народного просвещения гласило: «Все силы должны быть направлены на оборону страны, и молодое поколение должно участвовать в этой работе» [цит. по: 9, с. 82]. Дети очень быстро интегрировались в формирующуюся военную культуру. Так, например, дочь купца, Евгения Фрейзер, рожденная в 1905 г. в Архангельске, вспоминала о «пламенном патриотизме», охватившем людей в самом начале войны, и о стремлении каждого в личном соучастии: солдатам на фронт старались отправлять посылки с носками, мылом, табаком. В местном театре ставились спектакли для сбора средств в помощь армии. В одном из них выступала и она сама в роли одной из пяти девушек, одетых в национальные костюмы, символизирующие Россию и страны-союзницы [10, с. 195–197].

Аналогично летом 1915 г. и еще через год на детском фестивале в парке «Сокольники» в Москве через толпу молодых людей в военной форме проходили девушки с

флажками в костюмах, олицетворяющие собой Россию и ее союзников¹. Подобного рода мероприятия состоялись во многих уголках страны. Полагаем, что в России, как и в других участниках международного военного конфликта тех лет, зарождалась военная культура, ориентированная на детей, и она неизбежно становилась частью детских воспоминаний, как ответная реакция на происходящие события.

Рис. 1. Детский фестиваль в парке Сокольники, Москва, лето 1915 г.

В данной статье нами рассматривается сложное взаимодействие между национальной мобилизацией, регулируемой государством, и детьми, как действующими лицами этой драмы, формировавшими процесс, о котором пойдет речь. В фокусе внимания дети из учебных районов, проживающие в Киеве, – тогда еще пограничном регионе Российской империи, который один из первых был затронут войной.

Цель исследования – изучение способов интеграции детей и подростков в военную культуру в пространстве города в период общей мобилизации и сам характер их непосредственного участия в этой войне. Материалы педагогических исследований позволили нам воссоздать опыт пережитый детьми и их эмоциональный отклик на военную культуру в первые два года войны. В ходе работы было поставлено два вопроса: существует ли взаимосвязь между возрастом и реакцией детей на самое начало военных действий? Как сами дети формировали зарождающуюся военную культуру? При рассмотрении этих вопросов мы отойдем от трактовок известных исследований, а вместо этого отведем главную роль детям, дав возможность им самим рассказать о пережитом в тылу в годы войны.

Дети и война

В последние два десятилетия внимание историков все больше привлекает опыт детей, переживших войну, – детей, которые росли, становились взрослыми на фоне

1 Женское дело. 1915. № 16. С. 4–7.

потрясений, жестокости и разрушающихся традиционных устоев [11]. Обычно проблема войны и детей рассматривается с позиции жертв. Ведь дети, будучи и не военными, и не взрослыми, становились невинными жертвами развязанного войной насилия, попадая под воздействие чудовищных сил и военной культуры, которая была повсюду [1, с. 627]. Однако последние исторические исследования Первой и Второй мировых войн поставил под сомнение эту довольно узкую аналитическую концепцию, подчеркнув взаимосвязь между государственной мобилизацией и когортой детей как действующими лицами рассматриваемых событий [2–4; 11–13].

К тому же мы не можем игнорировать тот факт, что военные действия в XX в. увеличили число детей, используемых в качестве солдат. И в этой роли – участника военных действий – граница между ребенком как пассивной жертвой и ребенком в активной позиции становилась очень размытой. Недавнее исследование О. Кучеренко о советских детях-солдатах в годы Второй мировой войны показало, что тысячи детей и подростков младше призывного возраста шли добровольно сражаться с немецкими захватчиками и в дальнейшем входили в состав регулярных военных формирований [13].

В России исследования о детстве в период Первой мировой войны все еще несопоставимы по количеству с такими же исследованиями об этом времени в Западной и Центральной Европе. В то время как детство и юность первых годов советской власти стало предметом изучения западных ученых в последнее десятилетие, изучение детства в период самой войны преимущественно было сосредоточено на влиянии военных событий на российскую систему образования, а также на способы, которые могли бы помочь педагогам и всем небезразличным в решении проблемы бездомных, сирот, ставшей особенно остро в годы войны [14–17]. Как показало исследование А. Болла, так называемые *беспризорные* были следствием Великой отечественной войны [18]. Таким образом, очевидным недостатком данного исследования является то, что оно не позволило нам глубже понять причины появления беспризорников и сирот.

Непосредственное влияние военной мобилизации на российскую образовательную систему и педагогическую деятельность было подробно исследовано сразу после Первой мировой войны двумя прогрессивными русскими просветителями Дмитрием Одинцом и Павлом Новгородцевым. В 1929 г. совместно с бывшим министром просвещения Павлом Игнатьевым они опубликовали результаты своей работы [9].

Тем не менее изучение влияния войны на сознание детей и на их развитие фактически было начато в 1914 г. А. Дж. Коэн, проведя анализ понятия «детство» в российской педагогической периодике, утверждал, что с самого начала Первой мировой войны российские педагоги и специалисты, занимающиеся вопросами развития детей, были глубоко обеспокоены влиянием войны на когнитивное, поведенческое и нравственное развитие ребенка [19, с. 38–49].

Рассматривая детей как будущих строителей либерального, демократического послевоенного государства, они видели серьезную опасность в жестокости, шовинизме, реальном насилии, которому подверглись несовершеннолетние, а также в воздействии на них картин со сценами насилия, распространяющимися средствами массовой информации [19, с. 45–46]. Т. Лубенец, автор исследования о детских впечатлениях военных

лет, напечатанных в двух выпусках педагогической еженедельной газеты «Школа и жизнь» в феврале 1915 г., писал о похожих опасениях: «Сегодняшняя война со всеми своими ужасающими чертами волнует мысли и чувства людей. Она также проникла и в наши школы начального образования, полностью овладев живыми и впечатлительными умами детей. Уроки человеческой истории показывают нам, что война унижает человека, пробуждая в нем животные инстинкты. Нынешнее поколение детей, оказавшееся в плену глубоких переживаний, пронесут эти события через всю оставшуюся жизнь. Нет сомнений, что великая мировая война укажет нам новые пути развития, а прямо сейчас нам следует готовиться к иным, более деятельным образовательным принципам»².

Педагоги и просветители всех стран, участвовавших в войне, искренне интересовались воздействием войны на детей. Тем не менее педагоги в Западной Европе и в России не разделяли одну и ту же точку зрения на войну, что оказало существенное влияние на педагогические исследования в этих странах. С. Одуан-Рузо отмечал, что французские учителя в большей степени были вовлечены в процесс мобилизации детей. Их волновали вопросы развития эффективной пропаганды в классах больше, нежели защита детей от негативных последствий войны.

В Германии, как и во Франции, учителя охотно становились агентами государства, способствуя мобилизации детей в качестве военной силы [3, с. 139; 4, с. 91, 105, 157; 8, с. 8, 19, 88, 90]. Работа Э. Донсона выявила, что зарождающаяся «военная педагогика» в Германии позволила неожиданным образом объединить педоцентрированные методы образовательных реформ с пропагандой милитаризма, патриотизма и национализма.

Учителя допускали возможность положительного воздействия войны, рассматривая ее как событие, которое «поощряло школьников в деле ревностного служения Германии» [8, с. 193]. В обеих странах – Франции и Германии – очень часто образовательные учреждения поддерживали чувство ненависти к врагу в рамках военной мобилизации детей. За очень редким исключением, исследования с немецкими детьми проводились лишь в помощь самой мобилизации, чтобы показать эффективность новых учебных планов в деле поддержки военной политики государства [8, с. 78].

А поскольку война затянулась и обеспокоенность по поводу нарастающей преступности среди несовершеннолетних, как побочного следствия войны, стала распространяться во всех воюющих странах Первой мировой войны, то факт благотворного образовательного влияния войны на детей стал вызывать сомнение у значительного количества людей. Однако в Германии педагогика войны открыто подверглась критике со стороны учителей только в январе 1916 г. [8, с. 90; 20, с. 214–215].

В отличие от большинства учебных заведений Германии и Франции, российские воспитатели и педагоги с самого начала войны были очень серьезно обеспокоены тем пагубным влиянием, которое оказывала военная культура на детей. Причина, несомненно, в том, что царскому режиму не удалось заставить учителей стать на сторону государства в деле пропаганды своих идей и взглядов экономического

2 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7. С. 2.

развития, национального патриотизма и уклада жизни [21, с. 141–143; 22, с. 207]. Идея «бесплатного образования», декларированная западными педагогами-теоретиками – М. Монтессори и Ф. Фребелем, а также просветительские идеи К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого завоевали широкую популярность среди специалистов в области образования. Это привело к жестокой критике традиционного образования в поздний период царской России, характеризующегося насилием и интеллектуальной ограниченностью. Образование в целом и начальное образование в частности «стало полем битвы» между государством и обществом, где решались сложные проблемы развития России» [22, с. 206; 23].

Прогрессивные идеи учителей и их чувство свободы и независимости привели к тому, что педагогическим сообществом Российской империи были проведены многочисленные научные исследования о влиянии войны на поведение детей и их развитие в годы военного конфликта. Педагоги разослали учителям и ученикам опросники, в которых просили детей написать ответ в форме эссе и проиллюстрировать их [19, с. 43]³. В 1915 г., например, Общество преподавателей графических искусств организовало выставку под названием «Война в рисунках детей», на которой были представлены тысячи работ и акварельных картин учеников из сельских и городских районов. Московский корреспондент журнала «Школа и жизнь» сообщал, что большая часть рисунков была продуктом детской фантазии в чистом виде со сценами кровавого ужаса, сражений на суше, в море и воздухе, но в то же самое время очень часто в работах встречались сцены сострадания и милосердия к раненым и даже врагам. Он с облегчением подводил итог, что в русских детях сохраняется чувство человечности и справедливости; журналист утверждал, что молодое поколение в высшей степени достойно тех слез и крови, которые проливает русский народ ради своего будущего⁴.

Подобные выставки были не редкостью. Так, например, учителя и воспитатели, входящие в Киевское фребелевское общество, издали сборник «Дети и война», в котором кратко рассказывалось о начале войны с помощью рисунков и писем, написанных детьми солдатам на фронт [14; 24, с. 256]. Современными педагогами считается анализ подобного рода материалов весьма продуктивным способом изучения влияния войны на умы детей [19, с. 40–41].

Естественно, что у многих из этих научных работ имелись недостатки в технике проведения исследования, ведь современная социология и детская психология только развивались как научные дисциплины [19, с. 39]. Действительно, педагоги и психологи тогда и сегодня продолжают спорить, как много мы можем изучить, используя детские рисунки. Как подчеркивал Коэн, психологи-когнитивисты, например, «...считают, что символическое представление и другая информация, организованная в когнитивные схемы, иерархические системы, структурирует индивидуальные реакции на внешний мир» [19, с. 41]. Другими словами, сегодня многие психологи утверждают, что «...дети учатся жестокости через наблюдение» [19].

3 Школа и жизнь: газета общественно-педагогическая. 1915. № 15. С. 6–7.

4 Иващенко А. Война и дети // Школа и жизнь. 1915. № 6. С. 10–11.

Как бы ни были полезны эти психологические теории, мы, историки, должны с осторожностью говорить о долгосрочных последствиях прямого и зрительного воздействия войны. Тем не менее эти педагогические исследования по-прежнему представляют ценность. Проведенные в то время, они, так же как и размышления о развитии ребенка в годы войны, дают многое в понимании российских учителей и их видения будущего России [19].

Во многом это было проявлением их групповой идентичности как «третьей силы» и определяло границы политической независимости [25]. Кроме того, и что более важно для истории изучения детства, материалы, собранные в то время, представляют особый интерес, поскольку мы имеем дело с работами самих детей. В отличие от автобиографий и интервью, записанных уже много позднее произошедших событий, рассматриваемый материал не подлежит бесконечному воссозданию в памяти. Собранные факты дают довольно редкое и уникальное представление о том, что чувствовали, о чем думали, чего боялись и на что надеялись дети, через их уста мы узнаем об истории Первой мировой войны. Последнее очень важно само по себе, поскольку голоса детей обычно заглушаются в современном дискурсе, в котором доминируют взрослые профессионалы, часто проецирующие на детей свои догадки и страхи.

Дети Киева – война на украинских границах

Опыт войны не подлежит обобщению. Он не один и тот же для взрослых и для детей. И определяется и формируется под влиянием различных факторов, включающих в себя такие, как место, раса, пол, возраст, класс, был ли близкий член семьи – отец или брат – отправлен на фронт или нет. В такой большой стране, как Россия, пережитый детьми опыт войны, конечно, в значительной степени зависел от того, как близко они находились к театру военных действий.

Как отмечал Д. Одинец, изучающий влияние войны на средние школы, это зависело от того, была ли школа на территории военных действий, недалеко от линии фронта или полностью отдалена от мест боевых сражений [9, с. 72–74]. Естественно, опыт Первой мировой войны, пережитый детьми, выросшими в Сибири, будет существенно отличаться от того, что происходило в Риге, Москве или Киеве. Но даже у детей, живущих в одном городе, имелись разные впечатления. Проведенные исследования в Берлине, Париже и Лондоне показали, что некоторые дети были полностью втянуты в культуру патриотической и националистической войны, а вот другую часть ребят это даже не затронуло; одни только выражали отчаяние и страдание, тогда как другие были по-настоящему травмированы потерей, например, отца [2, с. 346–347].

Принимая во внимание различные переживания, микроисторический подход представляется очень многообещающим путем в оценке пережитого опыта войны у детей. Настоящий анализ в основном посвящен украинским землям, а точнее, Киевской области. Будучи частью пограничных районов царской России, данный регион был один из первых затронут Первой мировой войной. Ряд школ в учебных районах Киева очень быстро оказался в самом центре военных действий, а это означало, что дети и взрослые

подлежали эвакуации. Некоторые школы существовали под постоянной угрозой эвакуации, в то время как часть школ из восточных районов становились убежищем для эвакуированных [9, с. 73].

Первая мировая война пришла в Киев очень быстро и стала частью жизни ее жителей. «Весь город кипел, повсюду бегали мальчики с телеграммами. Везде шли разговоры о грядущей войне, и никто не мог поверить, что война может прийти неожиданно»⁵, – вспоминал один из подростков в декабре 1914 г. Другой мальчик из Киева описывал похожие впечатления о начале войны, но он также говорил о чувстве растерянности и неспособности выразить словами то, что он чувствовал, словно он борется против «чего-то»: «Киев превратился в военный лагерь с толпами людей, блуждающих по улицам. Все войска были одеты в обмундирование и уходили на фронт. Я бродил по станции несколько дней, глядя на солдат. Они все были веселые и счастливые. Глядя на них, нельзя было сказать, что они отправляются на войну. Увидев их, я почувствовал, словно внутри меня идет какая-то борьба. Некоторые мои мысли вращались вокруг того, чтобы отправиться на фронт за ними, но другие взяли верх»⁶.

Во многих отношениях Киев был микрокосмосом, в котором отражались события войны и ее последствия. Дети становились свидетелями общей мобилизации и изменений Западного фронта России. Ужасы войны очень быстро проникли в Киев, прежде всего из-за беженцев из западных регионов украинских земель. Как писал Питер Гатрелл, к концу 1915 г. около 400 000 беженцев, среди которых преимущественно были украинцы из Галиции, пересекли провинцию Волынь в направлении Киева, Одессы и других регионов к востоку [26, с. 21, 50].

А когда летом 1915 г. австрийцы завоевали Галицию и вошли в провинцию Волынь, то война и вовсе оказалась у самих границ города. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов посчитал необходимым подготовить Киев к эвакуации [26, с. 20]. В то же самое время из немецких поселений были изгнаны немецкие семьи и впоследствии их депортировали в Сибирь и Азию [26, с. 20, 23–24].

Юные жители Киева в 1914 г. не могли бы избежать встречи с войной, глядя на раненных солдат и напуганных беженцев. Педагог Т. Лубенец, обеспокоенный долгосрочным влиянием войны на психику детей, предпринял попытку изучения отношения детей к войне и событиям, связанным с ней⁷. Он разослал письменный опросник приблизительно одной тысяче детей в возрасте от 9 до 16 лет, проживающих в центре и на окраине Киева между 7 и 18 декабря 1914 г. Т. Лубенец тщательно проработал его, чтобы он мог соответствовать современным научным стандартам. Анкетирование проходило анонимно, и детям не помогали при написании ответов. Он также не стал вносить вопросы, которые «...в той или иной степени могли вызвать у детей острое чувство

5 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 8. С. 3–6.

6 Там же.

7 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7.

враждебности, насмешки или высокомерие, с одной стороны, а с другой, подавить болезненные переживания и состояние тревоги»⁸.

Однако имеется ряд недостатков, допущенных в ходе исследования. Так, например, все процитированные отрывки принадлежат мальчикам. А это, разумеется, значительно ограничивает выборку. К сожалению, Т. Лубенец не учел в своем опросе пол детей и не объяснил, были ли девочки полностью исключены из него.

Однако сам факт того, что в фокусе исследования находились мальчики, позволяет нам предположить, что педагоги были особенно обеспокоены негативным воздействием войны на ребят мужского пола, которые, как считалось тогда и сегодня, наиболее предрасположены к агрессии, порождаемой войной. В исследовании не принимало участие и значительное количество детей и подростков, не посещающих школу и работающих на заводах и фабриках Киева. Согласно газете «Киевская мысль», детский труд широко использовался еще до войны: в 1913 г. 11% рабочей силы города приходилось на детей от 12 до 17 лет [27, с. 221].

Важно еще и то, что опрос Т. Лубенца не учел этническую и национальную структуру населения Киева, которая претерпевала изменения за счет прибывающих беженцев разных возрастов из Польши и западных земель Украины. Пример молодого беженца, прибывшего в Киев в 1915 г., можно найти в Гарвардском проекте советской социальной системы (Schedule A, Vol. 29, Case 638, Female, 50, Polish, 5).

Только в отдельных случаях можно было понять из ответов, что респонденты принадлежали не к одной и той же национальной группе. Например, мальчик 10 лет, учащийся школы, в которой обучали польских детей, на вопрос «Хотели бы вы пойти на войну?» ответил так: «Я очень хочу пойти на войну, чтобы защитить любимую мне Польшу и Россию»⁹. Киев в последние годы царской России был городом, «разделенным на классы, религии и национальности» [27, с. 233, 104 (Table 4.2)], отчасти поэтому Т. Лубенцу было бы очень трудно, практически невозможно, решить эту весьма деликатную проблему. Более того, следует отметить, что ответы некоторых респондентов были подвергнуты цензуре.

Несмотря на эти недостатки, материал, собранный Т. Лубенцом и представленный в газете «Школа и жизнь» в феврале 1915 г., был значительным. Его исследование позволяет нам выявить определенные закономерности в том, что пережили дети всех возрастных групп, их отношение к войне, и тем самым восстановить картину того, как дети Киевской области прожили первые несколько месяцев войны. Т. Лубенец в анкете задал детям следующие вопросы: 1. Сколько вам лет? 2. Какое впечатление произвела на вас новость об объявлении войны? 3. Видели ли вы солдат, идущих на войну? 4. О чем вы думали или что вы чувствовали, когда смотрели, как солдаты идут на фронт? 5. Видели ли вы раненых, когда и где? Что вы чувствовали по этому поводу? 6. Что вы думаете о войне? 7. Знаете ли вы, почему произошла война? 8. Кто борется с нами, а кто борется против нас? 9. Что вы знаете о наших успехах на войне? 10. Кто из вашей семьи или родственников пошел на

8 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–3.

9 Там же.

войну? 11. Как вы думаете, кто победит? 12. Вы играете в войну? 13. Хотели бы вы пойти на фронт? Если да, то почему? 14. Что вы думаете о немцах, австрийцах и турках? Сталкивались ли вы с военнопленными и что вы думаете о них? 15. Бойтесь ли вы войны? 16. Что вы слышали о войне? 17. Хотели бы вы, чтобы война продолжалась? ¹⁰.

В то время как дети младшего возраста давали короткие, прямые ответы, дети старшего возраста – 12 лет и выше – часто писали в виде развернутого эссе, отвечая в нем последовательно на все вопросы. Т. Лубенец сгруппировал ответы по возрасту, и это позволило читателю поразмыслить над возрастными реакциями и мыслями детей о начале войны и ее ходе развития.

Эйфория, патриотизм и обеспокоенность

Российские историки продолжают спорить о силе патриотизма и о характере военного энтузиазма 1914 г. [28, с. 166–167; 29; 30, с. 267–289]. Недавние исследования бросили вызов представлению о единодушном порыве патриотизма во всей Российской империи, показав вместо этого множество различных эмоциональных реакций на начало войны и общую мобилизацию. Джошуа Санборн утверждал, что патриотами и протестующими не ограничиваются социологически определяемые группы. Наиболее распространенная реакция, которая часто игнорируется, – это плач мужчин, женщин и детей, который раздался по всей России [30, с. 289; 31, с. 30–31].

Споры о патриотизме и военном энтузиазме не учитывали детей как отдельную социальную группу. И это удивительно, ведь, как уже отмечалось не раз, многие российские педагоги твердо верили, что дети были наиболее восприимчивы к проявлениям патриотических чувств в период мобилизации 1914 г., пропагандируемых на улицах и в прессе [19, с. 39].

Так, на первый взгляд, проведенный опрос Т. Лубенца подтверждает мысль о том, что большинство детей и подростков к декабрю 1914 г. были погружены в культуру патриотической войны. Большую часть респондентов сильно взволновал дух войны и проявление патриотизма. В этой связи важно отметить, что дети заполняли анкеты в тот период, когда война в юго-западных регионах шла с успехом для русских войск. Царская армия оттеснила австрийцев и в ноябре 1914 г. вернула назад завоеванную Галицию, вторгшись также в некоторые карпатские перевалы и Северную Буковину [32].

Воинственный порыв этих месяцев, когда дела на военном фронте шли успешно, отразился в романтических мечтаниях детей о героической борьбе за Русь-матушку и в их желании отомстить, а также в стремлении сражаться бок о бок со своими братьями и отцами. Ответы детей были пронизаны патриотическим пафосом. Царь, Отечество, Русь – те слова-маркеры, показывающие восприятие детьми понимания русской идентичности. Одиннадцатилетний мальчик писал так: «Я пойду на войну совсем скоро, как только закончу школу <...> Я хотел бы! Хотел бы! Хотел бы сражаться за Русь и Царя.

10 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–3.

Я хочу, чтобы все немцы, австрийцы и турки были убиты! Я не боюсь войны, потому что, когда меня убьют, моя жизнь будет отдана за Русь, Царя и Отечество»¹¹.

Другие двенадцатилетние мальчики выражали похожие взгляды: «Я хотел бы пойти на войну и не дождусь, когда нас освободят из школы»; «Я хотел бы, и я действительно завидую тем, кто был на войне»; «Я хотел бы! Хочу! Я слышал восхитительные истории о таких людях, как я, и их награждали медалями»; «Я хочу пойти так сильно, что, если бы они взяли меня сейчас, я пошел бы непременно, чтобы испытать себя. Ты умираешь только один раз, и если смерть пришла однажды, она не придет еще раз. Никто не умирает дважды, и нельзя избежать этого одного раза»; «Я хотел бы пойти, потому что хочу убить хотя бы одного немецкого варвара»; «Я собираюсь весной на войну, и я хочу победить немцев ради моих братьев»; «Я хотел бы пойти, потому что хочу быть шпионом. Мой отец на войне, и я хочу быть с ним, помогать ему, чтобы ему было легче»; «Я хочу пойти на войну, чтобы заколоть немца и получить крест Святого Георгия».

По данным Т. Лубенца, подобный героический и воинственный настрой был особенно характерен для группы двенадцатилетних¹². Мальчики постарше тоже говорили о своем желании воевать. Некоторые из четырнадцатилетних респондентов особо подчеркивали свои патриотические чувства, веру в отвагу русских солдат и мечты о славе: «Когда я смотрел на огромное количество солдат, отправляющихся на войну, я очень хотел пойти вместе с ними. Я хочу испытать на себе лишения войны и получить Георгиевский крест за славную службу»; «Я думаю, что солдатам очень повезло, ведь им приходится страдать за Русь и Отечество, и я хотел бы хоть немного пригодиться. Я хочу пойти на войну, чтобы отомстить врагу за смерть множества невинных людей»¹³.

Непоколебимую веру в русского человека выразил другой четырнадцатилетний мальчик: «Русскому солдату неведом страх и чувство опасности, он смотрит на все спокойно и с улыбкой. Меня не оставляет ощущение силы, храбрости, мужества и радости, когда я рядом с ними. Я хотел бы пойти на настоящую войну, где слышны стоны раненных и рев орудий, где страдания и смерть перелетают от одного солдата к другому. Я очень хотел бы сделать что-нибудь для Отечества, даже если бы пришлось отдать свою жизнь. Многие люди думают, что это детские фантазии, но это реальность»¹⁴.

Более того, в некоторых случаях молодые ребята пытались бежать на фронт, чтобы присоединиться к воюющим. Однако, по словам Т. Лубенца, только двое мальчиков – 11 и 12 лет – утверждали, что были в гуще военных действий¹⁵. Подросток 12 лет признавался: «Я действительно хочу пойти на войну. Однажды я с солдатами уже ходил на войну, нам понадобилось два дня, чтобы добраться туда. На первой остановке я выскользнул из вагона

11 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7.

12 Там же. С. 4–5.

13 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 8. С. 3–6. С. 4.

14 Там же.

15 Там же.

и пошел на станцию, чтобы купить для своих ребят немного табака и вернулся к ним назад. Когда мы были возле Львова, нам надо было пересест в другой поезд. Поскольку около каждого вагона дежурили жандармы, я попросил солдата не оставлять меня там. Вскоре мы проехали Львов, и солдаты получили приказ остановиться. Я прошел вперед, но мне не повезло: я заблудился и не смог найти своих, потом побежал туда, где стреляли. Я увидел наши окопы поблизости и пополз туда, когда внезапно раздался взрыв, и неподалеку взорвался снаряд. Вдруг кто-то схватил меня сзади, я обернулся, чтобы посмотреть: это был наш офицер, и из-за моего безрассудства он отправил меня домой к маме»¹⁶.

Конечно, невозможно с точностью сказать, было ли это настоящим воспоминанием о пережитых событиях или перед нами продукт детской фантазии. Школьники, уходящие в бега, не были массовым явлением, но, тем не менее, достаточно распространенным феноменом, который вызывал значительный интерес в прессе, сообщающий регулярно, что дети, в основном из средних школ, покидают школу и пытаются добраться до фронта [9, с. 78–79]. После более чем двухлетней войны власти воюющих держав заняли активную позицию в вопросе недопуска детей в качестве солдат на фронт. Вследствие этого детская секция Татьянинского комитета (Комитет вел. кнж. Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий) в Киеве ожидала прибытия сотен детей, которым должна быть оказана некоторая помощь¹⁷.

Патриотические, воинственные взгляды детей, высказанные ими в декабре 1914 г., были сбалансированы более вдумчивым и рефлексивным воспоминанием о моменте объявления войны. Что касается последнего, те же дети говорили, что ощущают тревогу, беспокойство и страх одновременно. Среди десятилетних мальчиков Т. Лубенец обнаружил, что наиболее часто встречающимися были следующие ответы: «Я очень испугался, когда узнал, что Россия объявила войну»; «Стало грустно и пусто на душе после объявления войны»; «Мне было очень плохо, потому что мне было жаль солдат, которые шли на войну, оставляя свои семьи»; «Я думаю о бедных солдатах, которые стоят там, в заснеженных окопах, а над ними свистят пули»¹⁸.

Одиннадцатилетний мальчик писал: «Когда была объявлена война, я всегда ходил к солдатам, и мне было грустно смотреть, как они прощаются со своими родителями»; «Я был очень напуган и обеспокоен тем, что немцы придут сюда и убьют нас», – так выразил свой страх двенадцатилетний мальчик¹⁹.

Тем не менее другие двенадцатилетние ребята признавались, что находились в оживленном настроении: «Когда 20 июля была объявлена война, моя душа была наполнена счастьем от мысли, что мы освобождаемся от старых врагов России – Германии и Австрии»; «Когда они объявили нам войну, я был счастлив, потому что хотел, чтобы мы

16 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 8. С. 3–6. С. 4.

17 Школа и война // Школа и жизнь. 1916. № 48. С. 5.

18 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7. С. 3.

19 Там же. С. 3–4.

завоевали Германию, хотя это не очень хорошо для солдат»²⁰. Очень похоже писал и десятилетний мальчик: «Я плакал от счастья, я был счастлив, потому что я думал, что эти солдаты разгромят и победят немцев»²¹.

Эти противоречивые ответы ясно дают понять, что реакция детей на новость о начале войны была неодинаковой. Возможно, в этом нет ничего удивительного: замешательство и сложность полного понимания перипетий войны во многом является причиной такого рода ответов. Это особенно ясно отражается в словах тринадцатилетнего мальчика, которому было двенадцать лет на момент начала войны. Он размышлял в декабре 1914 г. так: «Я всегда хотел, чтобы в моей жизни была война, но это не та радость, которую я ожидал, это то несчастье, которое хуже любого несчастья, и было очень страшно, когда объявили войну. Я видел солдат, уходящих на войну, некоторые из них были счастливы и говорили, что идут защищать царя и свою страну, другие были очень печальны и думали о своих семьях. Мне стало грустно при виде их, и мне показалось ужасным, что вот сейчас они живы, а завтра могут быть убиты, но в то же время я был счастлив, что они собираются защищать своими телами наше Отечество и дома»²².

Если судить в целом, ответы большинства детей противоречивы, в них отражены смешанные чувства. Многие дети утверждали, что их патриотический порыв сдерживался осознанием того, что члены семьи – отец, братья, дяди – могут быть отправлены на войну. Например, двенадцатилетний мальчик писал: «Когда я узнал, что объявили войну, сначала был счастлив, но потом заплакал, потому что моего отца забирали на фронт»²³. Оценка войны сквозь призму собственной жизни, безусловно, влияла на характер эмоциональных реакций детей. Тревога, страх за членов семьи и чувство патриотизма не исключали друг друга. Санборн справедливо отмечал, что не стоит заблуждаться, приравнивая митинги в поддержку российских солдат при их отправлении на фронт с митингами просто в поддержку войны [31, с. 30].

Что касается детей, ответы в проведенном опросе Т. Лубенца показывают, что многие из них, возможно, и не обладали на тот момент необходимым уровнем психического развития для подобного рода сравнений. В отличие от своих родителей, дети, в силу своего юного возраста, схватывали, поглощали и бессмысленно повторяли популистскую патриотическую культуру без какого-либо критического анализа.

Таким образом, несмотря на страх перед войной, господствующие патриотические установки оказали влияние на формирование в детях воинственных и патриотических взглядов. Мальчик 11 лет, например, размышлял: «Она [война] произвела на меня очень большое впечатление, я не думал, что это будет так ужасно, и я много плакал из-за нее». Однако дальше он признавался, что хочет, чтобы «...война продолжалась до тех пор,

20 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7. С. 4.

21 Там же. С. 3.

22 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 8. С. 3–6. С. 3.

23 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7. С. 4.

пока мы не разгромим немцев»²⁴. Точно так же один из его сверстников рассказывал: «Когда объявили войну, мне стало очень жаль бедных солдат. Я был так напуган, что не знал, что делать, и просто молился Богу, чтобы война не началась», только чтобы признаться позже: «Я хочу пойти на войну и буду очень рад это сделать»²⁵. Дети присвоили патриотическую культуру и, перемешав ее со своими страхами и опасениями, часто могли придерживаться одновременно противоречивых взглядов.

Список литературы/References

1. Pignot M. Les enfants. In: Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. (eds.) *Encyclopédie de la Grande Guerre 1914–1918: Histoire et culture*. Paris: Bayard, 2004. Vol. 2. Pp. 129–146.
2. Rollet C. The Home and Family Life. In: Winter J., Robert J.-L. (eds.) *Capital Cities at War: Paris, London, Berlin 1914–1919*. Vol. 2, A Cultural History. New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 315–353.
3. Audoin-Rouzeau S. *Kinder und Jugendliche. Enzyklopädie Erster Weltkrieg*. Ed. By Gerhard Hirschfeld, Gerd Krumeich and Irina Renz. Munich: Ferdinand Schöningh, 2009.
4. Audoin-Rouzeau S. *La Guerre des enfant 1914–1918*. Paris: Armand Colin, 1993.
5. Demm E. Deutschlands Kinder im Ersten Weltkrieg: Zwischen Propaganda und Sozialfürsorge. *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2001, 60.
6. Kennedy R. *The Children's War: Britain, 1914–1918*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
7. Winter J., Prost A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
8. Donson A. *Youth in a Fatherless Land: War Pedagogy, Nationalism, and Authority in Germany, 1914–1918*. Cambridge: Harvard University Press, 2010.
9. Ignatiev P. N., Odinetz D. M., Novgorotsev P. J. *Russian Schools and Universities in the World War*. New Haven: Yale University Press, 1929.
10. Fraser E. *The House by the Dvina: A Russian Childhood*. London: Corgi, 1984.
11. Marten J. (ed.) *Children and War: A Historical Anthology*. New York: New York University Press, 2002.
12. Stargardt N. *Witnesses of War: Children's Lives under the Nazis*. London: Jonathan Cape, 2005.
13. Kucherenko O. *Little Soldiers: How Soviet Children Went to War 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
14. Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia 1890–1991*. New Haven: Yale University Press, 2007.
15. Kirschenbaum L. A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York: RoutledgeFalmer, 2001.
16. Gorsuch A. E. *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
17. Neumann M. *The Communist Youth League and the Transformation of the Soviet Union, 1917–1932*. London: Routledge, 2011.

24 Лубенец Т. Война и школьники: по анкете детские впечатления о войне // Школа и жизнь. 1915. № 7. С. 2–7. С. 4.

25 Там же.

18. Ball A. M. *And Now My Soul Has Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley: University of California Press, 1994.
19. Cohen A. J. Flowers of Evil: Mass Media, Child Psychology, and the Struggle for Russia's Future during the First World War. In: Marten J. (ed.) *Children and War*. New York: New York University Press, 2002. Pp. 38–49.
20. Healy M. *Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
21. Seregny S. J. Teachers, Politics and the Peasant Community. In: Eklof B. (ed.) *School and Society in Tsarist and Soviet Russia, 1895–1918*. ed.. New York: St. Martin's Press, 1993.
22. Seregny S. J. *Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
23. Byford A. Parent diaries and the child study movement in late imperial and early Soviet Russia. *The Russian Review*. 2013, Vol. 72, No. 2, pp. 212–241.
24. Gatrell P. *Russia's First World War: A Social and Economic History*. London: Pearson Education Limited, 2005. 318 p.
25. Kaplan V. A dress rehearsal for cultural revolution: Bolshevik policy towards teachers and education between February and October, 1917. *History of Education*. 2006, Vol. 35, No. 4–5, pp. 427–452.
26. Gatrell P. *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. (Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies)*. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 317 p.
27. Hamm M. F. *Kiev: A portrait, 1800–1917*. Princeton University Press, 1996. 328 p.
28. Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Indiana University Press, 2011. 317 p.
29. Stanke J. Hubertus F. Jahn, Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca: Cornell University Press, 1995, 229 pp. *Nationalities Papers*. 1996, Vol. 24, No. 4, pp. 768–769. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0090599200004074>.
30. Sanborn J. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination. *Slavic Review*. 2000, Vol. 59, No. 2, pp. 267–289.
31. Sanborn J. *Drafting the Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905–1925*. Northern Illinois Press, 2003. 288 p.
32. Magosci P. R. *A History of Ukraine: The Land and its People*. University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2010. 495 p.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2021, № 6

Статья поступила в редакцию 03.09.2021

The article was received on 03.09.2021